

Цирк

- Присмотри, Лен, завтра за Левушкой, мне некуда его деть, няня уехала, а к нам, как назло, заказчик из Тулы вечером приезжает, деловой ужин. – Римма, не моргая, смотрит мне в глаза своим неизменно уверенным, прямым взглядом круглых карих глаз, обрамленных длинными, завитыми кверху ресницами.

- Завтра никак, прости, сама знаешь, у меня пилатес по вторникам.

Кто не знает, поясню: этим мелодичным словом именуется недавно вошедший в моду спорт, что-то наподобие гимнастики. Для меня он явился спасением и отдушиной, которая помогает мне держать себя в форме и морально, и физически.

- У нее пилатес, видите ли, ну а мне что с ним делать? – раздраженно грохочет она, но вдруг резко замолкает, понимая, что сейчас для этого неподходящее время. Ее тон тут же становится вкрадчивым и слегка игривым:

- Лизка, в цирк хочешь? А ну проси мамку как следует! Я вам уже и билеты взяла.

Моя семилетняя Лиза, услышав про цирк, тянет меня за рукав и ноет:

- Мааам, я в цирк хочуууу...

- Вот видишь, и Лизе, и Левушке, и мне, и тебе – всем будет хорошо. Давай, соглашайся. И никуда твой пилатес не денется. – Задорно, громким басом хохочет Римма. Эти раскаты напоминают мне смех черной водяной ведьмы с крупным бюстом и ярко-красными губами из диснеевского мультика о русалочке. В такие минуты я начинаю ее побаиваться и из-за этого проклятого страха готова выполнить любую ее просьбу.

Я пытаюсь убедить себя, что цирк – не такая уж плохая идея. Конечно, хорошо было бы куда-нибудь сводить Лизу, она у меня в последнее время совсем дома засиделась. Вот уже почти год мы живем в Москве, а в цирке она ни разу еще не была. Постоянно кормлю ее обещаниями, но все время откладываю на потом. В начале прошлого года, когда мы только что переехали из Ульяновска в столицу, я устроилась секретаршей в одной мебельной компании, но из-за постоянного стресса, страха потерять работу и сверхурочных часов с цирком у нас все время не складывалось. А после того, как несколько месяцев назад, несмотря на мое исключительное прилежание, я все равно попала под сокращение, нам приходится экономить на всем, даже

на еде, не говоря уже о развлечениях. Единственное, что я себе могу сейчас позволить— это пилатес два раза в неделю, на другое денег пока не хватает. Но Римме, владелице доходной сети магазинов стройматериалов по Москве и области, конечно, не понять моих проблем, да и как-то неприлично говорить о материальном, не так я воспитана.

- Рим, но у меня даже денег нет отдать тебе за билеты...

- Какие проблемы, подруга? Угощаю! Не волнуйся, и денжат подкину, и домой привезу. Ну соглашайся давай, ну скорее же! – нетерпеливо повторяет она, хотя при этом знает, что и на этот раз мое согласие у нее уже в кармане.

- Мама, я очень-преочень хочу в цирк ... – скулит Лиза.

Я молчу, продолжая вести с собой внутренний диалог. А с другой стороны, когда еще выпадет такая возможность? Хоть на цирке немного сэкономлю, – принимаю я меркантильное решение.

- Мы тебя все просим. Ты хочешь, чтобы перед тобой на колени встали? –продолжает свой напор Римма, стремясь окончательно меня добить.

- Ну хорошо, хорошо, я согласна,– мямлю я.

- Наконец-то! Какая ты у меня лапа! – она покровительственно обнимает меня своей крепкой рукой. – Не переживай, на буфет тоже подкину, погуляете!

Около пяти вечера под окнами нашей хрущевки появляется красный джип и громко сигналист. Мы с Лизой выходим из подъезда. В окне первого этажа из-под ситцевой шторки в цветочек появляется силуэт бабы Нины, которая, притаясь между двумя горшками с геранью, плотоядно сверлит нас глазами. Стараясь не смотреть по сторонам, я торжественно прохожу мимо ее окон с гордо поднятой головой, открываю дверцу, и, усадив дочку на заднем сиденье рядом слевой, элегантно устремляюсь к передней двери. И все-таки жаль, что кроме бабы Нины в этот момент меня никто не видит!

- Ну давай, чего копаешься, опаздываем ведь!

Левушка неожиданно громко хихикает. Римин сын – одноклассник Лизы, единственный мужчина 2-го Б класса нашей крошечной частной спецшколы. Все девчонки в классе его дружно ненавидят и считают подлецом. По словам девчонок, Лева – мастер тайно вытворить какую-нибудь шалость, а потом найти виноватого и подставить вместо себя. Однако в глазах учителей он имеет репутацию паиньки и к тому же круглый отличник, поэтому учителя ему верят безоговорочно и на жалобы девочек особого внимания не обращают.

Пару месяцев назад в нашем классе появилась некрасивая девочка Надя, и, ко всеобщему удивлению, Лева быстро нашел с ней общий язык. Нашим красоткам Надя не понравилась с первого дня, да и мне, честно говоря, она

тоже показалась какой-то странной: тихая на вид, но на при этом какая-то... необаятельная что ли. В неформальном школьном словаре для таких детей имеется жесткое слово: «забитая». Девчонки невзлюбили Надю и за ее тихую, вкрадчивую манеру разговора, которая оставляла впечатление неискренности, и за ее мышинного цвета безвкусные платья и стоптанные сапоги, – и со всей своей детской безжалостностью упорно старались ее игнорировать, не приглашая ни на какие дни рождения и детские праздники.

А вот Левушка, наоборот, очень обрадовался появлению такой соратницы. Они теперь сидят вместе за второй партой и ходят везде только вдвоем, друзья-не разлей вода! И все бы ничего, но вскоре стала приоткрываться не совсем обычная причина этой внезапной дружбы. Обнаружилось, что Лева, войдя в доверие непопулярной Нади, использует ее как орудие мести против егозливых одноклассниц: он подговаривает ее под каким-либо предлогом заманивать их по одной в темный уголок, где сам сидит и выжидает, а затем неожиданно наваливается и избивает доверчивую жертву. Надя ему в этом помогает, стоя «на шухере». Ну просто Бонни и Клайд из 2-го Б! Со слов наших девочек все обстоит именно так. Причем практически невозможно выяснить, что же на самом деле там происходит, свидетелей нет. К тому же бойкий характер самих «жертв» настолько не говорит в пользу их самих, что учителя не слишком-то доверяют их рассказам.

Как и ее напарник, Надя учится хорошо и ведет себя неприметно, к тому же ее внешняя некрасивость, ветхое платьице, облезлая шубка из искусственного меха и полустертые короткие сапожки с ремешками вызывают у взрослых неизменный прилив жалости. Римма, мама Левы, в замешательстве. Она считает, что ее вежливый и обходительный Левушка совершенно неспособен поднять на девочку руку, не говоря о том, чтобы, укрывшись в темном уголке, расчетливо и садистски по очереди избивать свои жертвы. Вот такая детективная история происходит в нашем 2-м Б, и разрешить ее, по-видимому, под силу лишь самому Шерлоку Холмсу.

Мы подъезжаем к проспекту Вернадского и Римма высаживает нас перед знакомым с детства по программам АБВГДейка зданием цирка, которое мне всегда почему-то кажется похожим налетающую тарелку, по ошибке приземлившуюся в на московских просторах.

- А ну, выкатывайтесь поскорее, мне пора. Как закончится, ждите у входа. Чмоки-чмоки!

Лева и Лиза по очереди выкатываются из джипа на тротуар в своих ярких пуховых курточках. Я беру их обоих за руки и мы направляемся к освещенному огнями инопланетному космическому кораблю, который материализует мои детские представления о чуде. Я чувствую себя неловко

оттого, что у меня нет сейчас лишних денег воздать Римме за ее благодеяние, и поэтому стараюсь быть как можно более доброй и ласковой с ее сыном.

Раздевшись в гардеробной и покружив для приличия по холлу цирка, мы отправляемся искать наши места. Оркестр оглушает нас жизнерадостной музыкой, манеж преобразуется с помощью калейдоскопа непрерывно сменяющихся друг друга цветов и декораций. На арену выходят люди в восточных костюмах с верблюдами, морские котики, гепарды. Белые медведи, похожие на мультфильмовского ласкового Умку, скатываются с горок вниз головой, играют на дудках и аккордеонах, устраивают танцы на задних лапах. Перебирая длинными ногами по огромным золотым цилиндрам, на арену вырывают два близнеца-эквилибриста в блестящих костюмах. Клоун в оранжевом парике. Кувыряясь по арене, он мешает рабочим переставлять оборудование и умудряется при этом даже влезть в цилиндр эквилибриста, потеряв на ходу свои широкие клетчатые штаны. Зал взрывается от хохота.

Большая белая собака, прижавшись животом к полу, улыбается публике всей своей добродушной мохнатой мордой. Поднявшись с пола, покачивая в такт музыке нижней частью своей курчавой тушки, она следует на задних лапах за дрессировщицей, а та, остановившись посреди арены около пузатого комода, открывает резную дверцу и вежливо приглашает собаку туда войти. Та ловко впрыгивает вовнутрь и оттуда внезапно пулей выскакивает бойкий белый шпиц. Он, как угорелый, проносится по арене на двух передних лапах, а затем запрыгивает обратно в комод. Чрево комода выплевывает второго шпица, теперь уже черного, и тот галантно гарцует перед стройной дрессировщицей в ажурных сапожках. Завершив свой танец, актер исчезает там, откуда только что появился, и ему на смену появляется еще одна чернушка – похожая на медвежонка, лохматая чау-чау. Она делает несколько кувырков через брюхо и, вскочив снова на лапы, поворачивается за одобрением к публике, демонстрируя ей свой трепещущий розовый язык. И тут неожиданно из этого самого комода, как горох, высыпается несметное множество радостных черных и белых шпицев. Гремя привязанными к нежным тельцам бубенчиками, обгоняя друг друга, они начинают с свой стремительный бег по кругу. Дети верещат от восторга и хлопают в ладоши. Как прекрасно, что в мире есть цирк!

В антракте мы с Лизой илевой выходим в холл. Делая круглые глаза, дети сбивчиво делятся друг с другом впечатлениями. Настроение у всех прекрасное, мы направляемся к буфету.

- Лиза, Лева, что будете заказывать?

Лиза молчит, у нее разбегаются глаза. Левушка, стесняясь, указывает пальчиком на сосиску в тесте.

- Мне вот это, пожалуйста, две штуки. И еще пирожок.
- Конечно, Левушка. Лиза, а ты что будешь?
- Мам, а можно мне тоже сосиску в тесте? – решительно выкрикивает Лиза.
- Ну конечно!
- А мне еще вон тот эклер? – входит во вкус Левушка. – И безе? И еще... вон то, с шоколадом, пожалуйста!
Лиза смотрит на Левушку и сглатывает слюну.
- Лиза?
- Спасибо, мама, мне и сосиски хватит, – глухо звучит ее голос.
Мне неловко перед дочкой, она хоть и маленькая, но уже понимает, что у нас туго с деньгами и, подражая мне, тоже старается во всем себя ограничивать. И мне вдруг становится ее очень жалко.
Я протягиваю Лизе ее сосиску в тесте и накладываю на тарелку деликатесы для Левушки. Наша очередь стремительно подходит к кассе.
- С вас шестьсот рублей сорок три копейки.
Я вопросительно смотрю на Левушку, но он, как ни в чем ни бывало, стоит, отвернувшись, и разглядывает стеклянную витрину.
- Лева, тебе мама дала деньги на буфет?
Он продолжает блуждать глазами по витрине, старательно делая вид, что не слышит моего вопроса.
- Женщина, не задерживайте, платить будете? – сурово спрашивает кассирша.
И тут я понимаю, что затеваю бесполезное. Чувствуя на себе пристальное внимание очереди, я, заливаясь краской, открываю свой кошелек. Мои мысли сейчас заняты тем, как же будет стыдно, если не хватит денег и придется на глазах у всех возвращать эти проклятые пирожные! Сумма-то приличная, нам с Лизой на целую неделю бы хватило, если, конечно, не слишком шикавать! Удивляясь самой себе, я никак не могу понять, что за гипнотическая сила заставляет меня во что бы то ни стало угождать этому избалованному мальчику. Молча оплачиваю чек, проклиная себя за свою бесхарактерность. Настроение испорчено. Ну как же так? Ведь Римма сказала, чтобы я ни о чем не беспокоилась. Почему же тогда она ему не оставила денег? И как теперь мы с Лизой дотянем до конца месяца?
Левушка интеллигентно надкусывает свою сосиску в тесте, а затем по отдельности каждое пирожное. Пухленькими детскими пальчиками он достает пачку бумажных салфеток из желтого пластикового стакана и, бросая осторожные взгляды по сторонам, аккуратно заворачивает в них свою добычу. Сложив перед собой небольшую горку из завернутых в салфетки комочков, он с удовольствием ее разглядывает. Лиза сглатывает слюну. Мне

снова становится ее жалко. Я молчу, мне неизвестно, что нужно говорить или делать в подобных случаях. Ладно, если бы Лева был взрослым, тогда можно было бы привести какие-то доводы, что-то попытаться объяснить. Но глядя на сопящего по-деловому семилетнего мальчика, я чувствую свое бессилие.

- Лева, а разве мама не оставила тебе денег? – тихо спрашиваю я.

- С чего вы взяли? У нас их и так мало, деньги вообще нужно экономить, вот и папа так говорит, – глядя мне прямо в глаза, наставительно говорит Левушка.

Мы возвращаемся обратно на наши места. Звенит третий звонок, на арену снова выходят клоуны. Но мне уже почему-то не смешно. Я вяло досматриваю представление, думая только о том, каким кулинарным чудесам мне предстоит обучиться в следующем месяце, экспериментируя с макаронами, соевыми сосисками и солеными огурцами.

Высовываясь из джипа, Римма радостно машет нам рукой.

- Ну как, повеселились? Представляешь, Лен, повели этого тулича в «Де Марко», сама знаешь, поляну накрыли по полной программе: лосось с оливками под соусом из горгонзоллы, форель с пармезаном, каннелоне, морские гребешки, пармская ветчина с дыней... Так вот, этот чудик вдруг подзывает официанта и спрашивает: «А водка у вас есть? А огурчики малосольные? Как нет?! Да что у вас за ресторан такой, никакой культуры обслуживания!» Вот умора! Возмущаться еще начал, деревня...

- Что такое «каннелони»? – задумчиво спрашиваю я, глядя прямо перед собой.

А тем временем Левушка, стараясь быть незамеченным, аккуратненько расстегивает замочек своей яркой синей пуховой курточки и что-то оттуда вытаскивает. Плотно зажав в кулачке маленький сверточек, он с загадочным видом протягивает его маме.

- Мамочка, вот возьми, тут твоя тысяча, совсем ничегошеньки, ни копейки не потратил. А еще я пирожных тебе принес. – жарко шепчет он Римме на ухо. – Скажи, мамочка, а правда я у тебя молодец?